

Истории
о девочках XIX века

—

Гимназистки

Москва

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)1я43
Г48

Оформление серии *С. Костецкого*

В оформлении переплета использована иллюстрация:
Lisla / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Г48 Гимназистки : истории о девочках XIX века. - Москва : Эксмо, 2025. - 544 с.

ISBN 978-5-04-204291-1

Из чего же сделаны девчонки XIX века?

Может, из стихов о любви и взглядов украдкой, из речи французской и фарфоровых кукол? А еще из арифметики, музыки, мечты о балах. Из вышивок, кружева и озорства.

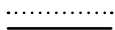
Погрузитесь в атмосферу дореволюционных гимназий и пансионов, когда образование было привилегией, доступной не всем. Этот сборник — драгоценное напоминание о том, каким был путь молодых девушек к знаниям и становлению в обществе. Рождение дружбы, развитие ума и романтические мечты переплетаются в едва уловимом дыхании истории.

В книгу входят произведения русских писательниц — Лидии Чарской, Надежды Лухмановой и Веры Новицкой.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)1я43

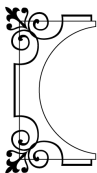
© Ульяна Мор, составление, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-204291-1

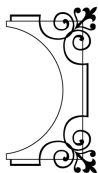

Лидия
Чарская
1875–1938

ГИМНАЗИСТКИ

Рассказы

ПОПОВНА

Дети, в наш класс поступает новенькая! Надеюсь, вы радушно примете вашу будущую подругу!

Таисия Павловна, худенькая молодая «дама» третьего класса, со своей обычной, всегда немного грустной улыбкой, заторопилась навстречу высокой представительной директрисе.

Точно по мановению волшебной палочки в классе воцарилась полная тишина. Дверь широко распахнулась, и Ольга Николаевна (имя начальницы N-ской гимназии) вошла в комнату, держа за руку новенькую. На лицах третьеклассниц отразилось самое искреннее изумление. Такой новенькой N-ская гимназия еще никогда не видела в своих стенах. Высокая, плотная, загорелая, с огромными руками и ногами, как-то нелепо вылезавшими из слишком короткого и узкого, очевидно, с чужого плеча, платья, с гладко зачесанными, что называется зализанными, волосами и крупными чертами лица, новенькая внимательно оглядывала класс без малейшей тени смущения и робости.

Гимназистки, в свою очередь, стоя в проходах между партами, после обычного приветствия по адресу начальницы смотрели на новенькую.

Она казалась им настоящей великаншей. В третьем классе учились девочки приблизительно от одиннадцати до четырнадцати лет. Вновь поступавшей можно было с успехом дать все семнадцать. И притом это коричневое, грубое, обветренное лицо... Эти огромные руки... Они, скорее всего, подходили какой-нибудь ремесленнице, чернорабочей, но отнюдь не гимназистке.

Маленькая, миловидная, изящная, точно французская статуэтка, Милочка Печалина с нескрываемым ужасом шептала своей соседке, чистенькой и пухлой, как булка, Эмме Вульф:

— Посмотри на нее, Эмма! У нее руки в мозолях, точно у дворника!..

— О, какая громада! Брандмайор какой-то! — безглаголиво морщась, роняла в другом углу класса Зина Ракитова, миниатюрная, тонкая брюнетка.

— Я думала, что она в последние классы поступает, а она-с к нашему изволит примкнуть, эта милая крошечка! — насмешливо проронила самая веселая и шаловливая из гимназисток Нюра Смолянская и прыснула от смеха.

Прыснули за ней и ближайшие из ее соседок.

— Крошечка... Нечего сказать, крошечка... Настоящий фельдфебель! — лепетала Милочка Печалина, делая невозможные гримасы.

— Тише, дети, тише! — и вся насторожившись, Таисия Павловна окинула строгим взором класс, призывая его к порядку.

— Mesdemoiselles, Ольга Николаевна желает говорить с вами! Прошу вас быть тише, — возвысив голос, заключила она.

Полное спокойствие воцарилось в классе. Директриса приблизилась к первым скамейкам, все еще не выпуская руку новенькой, и заговорила, обращаясь к девочкам:

— Вот вам новая подруга, дети! Будьте поласковее с ней. Она приехала сюда издалека, из деревенской глуши, где отец ее служит священником. Вы понимаете, конечно, как тяжело бывает уезжать надолго из родной обстановки и попадать к чужим людям, в незнакомый далекий город, где нет никого из близких и друзей. Вот Даша Крестовоздвиженская находится в таком же неприятном положении. Помогите же ей своим участием. Посвятите ее в свободное от уроков время в наши гимназические правила. Познакомьте с условиями нашей учебной жизни. Надеюсь на вас, дети! Вы уже не маленькие и сумеете облегчить вашей новой подруге ее первые школьные шаги!

Директриса ласково кивнула девочкам и покинула класс. Таисия Павловна вышла проводить ее в коридор. Новенькая стояла одна посреди комнаты, большая, мешковатая, с огромными красными руками, некрасиво повисшими вдоль тела, в своем коротком, куцем платье, и прежними спокойными, нимало не оробевшими глазами оглядывала своих будущих однокашниц.

Тотчас после ухода начальства девочки высыпали на середину класса, окружили Крестовоздвиженскую и закидали ее целым потоком вопросов.

- Вы, собственно, откуда?
- Из какой губернии?
- Из села или из деревни?
- Большой приход у вашего отца?
- Он давно там священником?
- А братья и сестры есть у вас еще дома?
- Сколько же вам, однако, лет?
- Отчего у вас на руках мозоли?
- Вы и зимою такая же коричневая от загара?
- Что вы делаете, чтобы быть такой румяной?
- А зачем вы так ужасно помадите себе голову?

Вопросы сыпались со всех сторон. Целый град вопросов, серьезных и праздных, атаковал новенькую.

Девочки всматривались в лицо Даши острыми, любопытными глазами, как бы желая видеть ее насквозь.

Хорошенькая Милочка Печалина протиснулась вперед и, презрительно косясь на куцее коричневое платье с огромной заплатой на локте, сказала:

— Но почему же вы не отвечаете нам? Или не хотите удостоить нас ни одним словом?

Даша Крестовоздвиженская подняла на Милочку свои маленькие, как щелочки, глазки:

— Ах, нет, что вы! — сказала она мягким грудным голосом, произнося слова немного на «о», — ах, что вы! Просто я устамши очень. Не могу еще никак отойти с дороги...

«Устамши!..»

Вот тебе раз!

Гимназистка 3-го класса и говорит «устамши», да еще с ударениями на «о», как простая крестьянка!

Вот сюрприз-то Алексею Ивановичу будет, учителю русского языка!

— Устамши, не емши, не спамши! — пропела вполголоса насмешница Смолянская, числившаяся с младшего класса первой по русскому языку.

Милочка фыркнула. Фыркнули и тоненькая Зина Ракитова, и беленькая Эмма Вульф, и еще двое-трое из самых смешливых.

Крестовоздвиженская не смутилась, однако, и тут. Она тоже улыбнулась, сверкнув на диво белыми красивыми зубами.

— Такая дурная привычка — все не могу отвыкнуть от деревенской речи, — произнесла она с подкупающей простотой, — говорить-то у нас в глуши мало приходилось. Батюшка в поле, а маменька по хозяйству либо с ребятками. Я-то и сама в работе... С нашими деревенскими то на косьбе, то на жатве... Сами работали, по бедности, конечно. Батраков дорого нанимать. Уж вы, пожалуйста, коли что не так скажу — поправляйте, сделайте милость, очень буду вами благодарна.

И совсем неожиданно она низко, по-крестьянски, всем туловищем поклонилась окружавшим ее гимназисткам.

Настроение класса сразу изменилось.

Эта плотная высокая девушка была так нелепа и смешна со своими огромными, в мозолях, руками, зализанной головой и чисто крестьянскими оборотами речи. И в то же время ее низкий, подкупающий мелодично-бархатный голос и эта откровенная, наивная простота трогали невольно и влекли к ней сердца девочек.

Когда Нюра Смолянская попробовала было пройтись насчет того, что она «оченно благодарна за откровенность барышни-крестьянки Крестовоздвиженской, и хоша та и очень устамши с дороги, а все же пушай не откажется потолковать с девицами...», на Нюру замахали со всех сторон, зашумели:

— Пожалуйста, не остри, Нюрка! Знай меру!

Так что шалунья невольню смолкла, прикусив свой не в меру бойкий язычок.

Крестовоздвиженскую усадили на скамейку рядом с тоненькой, хрупкой, аристократичной Зиной Ракитовой, около которой оставалось одно-единственное свободное место.

Голубоглазая, немного надменная, Зина отодвинулась от своей новой соседки на самый край скамьи. Даша почему-то не понравилась ей с первой же минуты, и она, ни мало не смущаясь, подчеркнула это. «Поповна! Деревенская поповна!» — окрестила ее Зина, втайне негодуя на судьбу, предоставившую ей неприятную обязанность сидеть с этой «деревенщиной» во время занятий.

* * *

— Здравствуйте, барышни, здравствуйте! Пришел к вам проэкзаменовать новенькую. Госпожа Крестовоздвиженская, пожалуйста сюда! — улыбаясь и ободряюще покачивая седой головой, говорил инспектор, входя к третьеклассницам.

Девочки торопливо повторяли заданное к предыдущему уроку по физике. Учитель был из «лютых» и требовал твердых ответов по своему предмету. Его боялись и учились у него прилежнее, зная, что у Арсения Ардалионовича очень легко можно схватить «кол».

Но несмотря на всю важность повторения «физикантского» урока, девочки никак не могли себе отказать в удовольствии проследить за экзаменационными ответами новенькой, которая с каждой минутой овладевала все большим вниманием класса.

Действительно, Даша Крестовоздвиженская представляла собой целый ряд сюрпризов и неожиданностей.

Начать с того, что ей, такой высокой, плотной, было всего только четырнадцать лет от роду. Когда она простосердечно своим бархатистым густым голосом заявила об этом, девочкам не хотелось верить... Затем своими «простецкими» словечками: «устамши», «намедни», «маменька» и другими она так добросовестно и даже живописно выложила, стоя у кафедры перед сидевшим за столом инспектором-экзаменатором, всю историю крестовых походов, что третьеклассницы замерли от удивления... Не успели они опомниться от первого впечатления, как их ожидало уже новое. Даша знала по географии, арифметике, русскому языку, естествоведению и Закону Божию безукоризненно все, что требовалось знать для гимназистки третьего класса. Без одной ошибки решила она сложную арифметическую задачу и гладко, не пропустив ни единого

знака препинания, написала довольно сложный диктант.

— Прекрасно! Прекрасно! Очень, очень доброкачественная подготовка, — хвалил девочку инспектор. — С кем вы занимались, барышня?

«Барышня» сделала круглые от удивления глаза и развела неопределенным жестом свои огромные руки.

— Как с кем? Одна. Маменька в губернский город ездила. Привезла программу, книжки, ну и училась. А задачи с батюшкой делали, и в диктовках он тоже пособлял. Вот только жалость: писать как следует не могу... Руки сгрубели. Жать приходилось. Работать... Как возьмусь за перо, так уж беспреречно руки дрожат, — чистосердечным признанием заключила свою речь новенькая и снова широко, простодушно улыбнулась, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

— Ну и хвастунья же эта новенькая! — перегнувшись к своей соседке Эмме, шепнула Милочка.

— Поповна! Все поповны хвастливые! — ввернула свое слово беленькая немочка Вульф, поводя пухлыми плечами.

— Мне она совсем, совсем не нравится, — подхватила Милочка, — и я удивляюсь, чем пленила она *наших*, что те накинулись на Ньюру, пожелавшую ее «изобразить»...

— А если бы вы знали, барышни, как от ее головы репейным маслом пахнет! Целую банку, очевидно, на себя вылила эта «приехавшая» к нам прелестная девица из деревни! — вставила в разговор двух соседок внезапно вынырнувшая откуда-то шалунья Смолянская.

— И вообще она нечистоплотная какая-то. Вы видите у нее на локте заплату, — слышался презрительный голосок Зины Ракитовой, и она мельком, в стеклянные дверцы шкафа, оглядела свою собственную, затянутую в изящное форменное платье, сшитое у дорогой портнихи, фигурку.

— Ну знаешь, о заплате ты оставь, — вмешалась в разговор проходившая мимо Катя Малиновская, — у меня у самой все заштопано: и юбка, и передник, и чулки, у мамы нет денег на новое, а это мне не мешает следить за собой и мыть руки чуть ли не после каждого урока.

— Пожалуйста, не чванься... Нашла чем! Чистюля! — насмешливо протянула в нос, подражая Кате, Смолянская и звонко расхохоталась заразительным ребяческим смехом.

— Тише! Тише! Или вы не слышите, Смолянская, Арсений Ардалионович хочет говорить с вами, — и Таисия Павловна сделала по адресу шалуньи Нюры строгое лицо.

Арсений Ардалионович действительно хотел говорить о новенькой: она, по его мнению, подготовлена прекрасно. Знает больше, чем следует... Только вот языки.

— Одни языки — французский и немецкий — заставляют желать много лучшего, — с искренним сожалением закончил он.

Крестовоздвиженская прослушала очень спокойно все, что он сказал, как будто речь шла не о ней, а о ком-то постороннем, и опять улыбнулась.